

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. В. ВОРОНКОВА, М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ФОНЕМА — ПУЧОК РП?

Положение «Фонема — это пучок РП (= различительных, или дифференциальных, признаков)» становится в современном языкознании все в большей мере общеобязательной догмой. Характерно, например, что в вопроснике, разосланном участникам межвузовской конференции по базисным проблемам фонологии¹, есть вопрос «каковы принципы и критерии выделения дифференциальных признаков?», но, конечно, нет вопроса «верите ли в то, что фонема — пучок этих признаков?».

Для того чтобы уяснить себе, что обычно подразумевается под РП и фонемой, представим себе следующую ситуацию. Получена магнитофонная запись текста на неизвестном звуковом языке, и какой-то невежда в языкознании поручил нескольким физикам, таким же невеждам в языкознании, проанализировать этот текст независимо друг от друга при помощи самой совершенной аппаратуры и, в частности, разбить его на сегменты, одинаковые на своем протяжении, и определить, какие из этих сегментов тождественны друг другу, т. е. выявить парадигматические единицы, представленные в тексте. Воображаемые физики обнаружат, вероятно, некоторую периодичность в тексте, но, конечно, ни одного сегмента, совершенно одинакового на своем протяжении (ведь известно, что даже гласные неоднородны на своем протяжении) и никаких четких границ внутри текста, т. е. никакой дискретности. Поэтому, хотя, как подobaет представителям точной науки, они опираются на строго сформулированную и единую теорию — современное учение о звуке, — они приходят к очень нечетким и неодинаковым результатам: сегменты различно разграничиваются, и их количество оказывается разным. Еще более трудным оказывается выявление парадигматических единиц. Обнаруживается, что среди выделенных сегментов совершенно одинаковых вообще нет, все они в разной мере сходны между собой, и сходства эти перекрещиваются. Поэтому, хотя физикам удается выделить некоторые признаки, общие для ряда сегментов, и, возможно, физически именно те, которые в фонологии фигурируют как РП (например, вокальность и консонантность, глухость и звонкость и т. п.), никакой дискретной структуры в сочетаниях этих признаков не обнаруживается, и никаких дискретных парадигматических единиц не получается.

Представим себе теперь, что то же поручение получило несколько лингвистов. В противоположность физикам, которые опирались на единую теорию, лингвисты опираются на самые разные теории. Например, один из них последователь Джоунза, другой — Щербы, третий — Блумфилда, четвертый — Ельмслева, пятый следует Трубецкому, шестой — Якоб-

¹ «Базисные проблемы фонологии. Материалы межвузовской конференции», I — Ответы на вопросы, Донецк, 1968.

сону, а седьмой — Трубецкому и Якобсону по очереди, но излагает их теории в терминах еще какой-то теории, например, в терминах символической логики, и все же добивается вполне оригинальных результатов: полной симметрии в системе вводимых им понятий. Словом, все лингвисты опираются на разные теории и, соответственно, применяют разные методы анализа языкового материала. Тем не менее, в отличие от физиков, они приходят к поразительно четким и сходным результатам. Дело в том, что они наблюдают не только и даже не столько физическую реальность текста, сколько ее функционирование в качестве языка и таким образом обнаруживают в тексте функциональную членимость на дискретные сегменты, функционально объединяющиеся в то, что лингвисты называют фонемами. При этом, хотя в общем к одной фонеме оказываются отнесенными сегменты, проявляющие известное физическое сходство, в ряде случаев к одной фонеме относятся сегменты, не более сходные между собой, чем некоторые из тех, которые относятся к разным фонемам, и наоборот, к разным фонемам оказываются отнесенными сегменты, не более различные, чем некоторые из тех, которые относятся к одной фонеме. Таким образом, определяющим в распределении сегментов по фонемам оказываются функциональные сходства и различия, а не физические.

Однако определить, что такое фонема, оказывается нелегко, и это видно из того, что лингвисты обычно определяют ее очень различно и в сущности голословно. Если же, в виде исключения, определение фонемы логически обосновано (как, например, известное определение Туодела²), то оно очень абстрактно и поэтому бедно содержанием. По-видимому, лингвисты так же не могут сколько-нибудь убедительно определить, что такое фонема, как физики не могут сколько-нибудь четко определить, например, что такое время (ведь общепринятое определение «время — это форма существования материи» явно не дает никакого представления о том, что такое время). Но отсюда не следует, конечно, что время или фонема не представляют собой объективной реальности.

Четкость и единообразие результатов, полученных лингвистами, опирающимися на самые различные теории, ясно свидетельствуют о том, что обнаруживаемая ими дискретная структура — это объективная реальность. Однако, конечно, не физическая реальность: не случайно физики не могли обнаружить эту структуру, несмотря на самую совершенную технику и самую строгую и единую теорию, а лингвисты не могут дать вразумительного определения того, из чего состоит эта структура. О существовании этой структуры можно заключить, наблюдая функционирование физической реальности языка, но нельзя наблюдать эту, так сказать, функциональную реальность непосредственно, как наблюдают физическую реальность. Конечно, и то, что образует эту структуру, т. е. так называемые фонемы, не наблюдаемы непосредственно, т. е. представляют собой не физическую, а только, так сказать, функциональную реальность³. Следовательно, нельзя описать фонемы непосредственно, как опи-

² W. F. T w a d d e l l, On defining the phoneme («Language monograph», 16), New York, 1935.

³ Поэтому логически несостоятельны все определения фонемы как «звука», «звуковой единицы», «звукового типа», «группы звуков», «звукового элемента», «сочетания звуковых элементов» (т. е. пучка РП) и вообще как звуковой или физической реальности, какими бы житейски здравыми или философски ортодоксальными эти определения ни казались, и никакие указания на «различительную функцию» этой реальности не делают эти определения менее несостоятельными, ибо «различительна» не физическая реальность языка, а та структура, которая обнаруживается в функционировании этой физической реальности. Не спасают эти определения и указания на то, что имеется в виду не конкретная звуковая реальность, а обобщение или абстракция. Само собой разумеется, что конкретная звуковая реальность представлена только в конкретном

сывают физическую реальность, и можно только описать ту физическую реальность, наблюдая функционирование которой в качестве языка, заключают о существовании фонем, т. е. в воображаемом случае, приведенном выше, физическую реальность тех сегментов, на которые распалась звуковая цепочка в результате ее функциональной членимости. Каждый такой сегмент это, очевидно, частный случай того, что называют «реализацией» той или иной фонемы или ее «манифестацией» или «имплементацией»⁴, и тем самым, хотя и не хотят этого, ясно выражают, что физическая реальность и фонема лежат в двух разных и несовместимых плоскостях (правда, лингвистическая терминология настолько неточна, что любую реализацию фонемы в известных контекстах можно назвать также и просто «фонемой»). Эту физическую реальность можно, конечно, описать и более обобщенно как «аллофоны» («комбинаторные варианты», «оттенки») той или иной фонемы и, выделяя общее или наиболее важное для аллофонов одной фонемы, получить максимально обобщенное фонетическое описание реализации этой фонемы (или, неточно выражаясь, описание самой фонемы). Но все равно это будет описанием только той физической реальности, наблюдая функционирование которой заключают о существовании уже как бы в другой плоскости, фонем как функциональной реальности.

Был придуман, однако, такой удобный суррогат описания самих фонем. Элементы, наблюдаемые в физической плоскости, выдаются за элементы функциональной плоскости (т. е. пучки РП). Тем самым функциональной плоскости приписывается физическая реальность, а физической реальности — структура функциональной плоскости.

Процедура определения РП фонем была, по-видимому, впервые разработана Трубецким и продемонстрирована им на примере фонемы /k/ немецкого языка⁵. Трубецкой утверждает, что он выводит фонологическое содержание этой фонемы из ее оппозиций фонемам /ch ʒ g t p/, и он определяет его как смычность, неназализованность, напряженность, дорсальность. При этом, очевидно, подразумевается, что /k/ отличается этими РП от всех других фонем немецкого языка. Что такое, однако, представляет собой это выведение фонологического содержания фонемы из ее оппозиций, что это за оппозиции, из которых оно выводится, и что такое полученные из них РП? То, что фонологическое содержание фонем надо выводить из оппозиций, подразумевает, очевидно, что первое неизвестно, а известно только второе. Но откуда могут быть известны оппозиции, если неизвестно фонологическое содержание фонем? Ведь знание оппозиций (т. е. того, как фонемы противопоставлены друг другу) подразумевает знание фонологического содержания фонем (т. е. того, что они представляют собой как члены противопоставлений). Другими словами, фонологическое содержание фонем и есть их оппозиции. Это, по-видимому, понимал и Трубецкой, который говорит: «фонемный состав языка является, по существу, лишь коррелятом системы фонологических оппозиций»⁶. Уже это противоречие заставляет предполагать, что выведение фонологического содержания фонемы из оппозиций — иллюзия, самообман.

Допустим, однако, как это ни абсурдно, что оппозиции известны, хотя фонологическое содержание фонем неизвестно. Для выведения фонологического акта и что когда говорят о звуковой реальности, то имеют в виду понятие о ней, т. е. ту или иную степень обобщения или абстракции. Оговаривать это каждый раз может быть и нужно было бы в школьном учебнике логики, но в языковедческой работе было бы схоластическим педантизмом.

⁴ Об истории этих терминов см.: J. V a c h e k, The linguistic school of Prague, Bloomington — London, 1966, стр. 50—51.

⁵ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 74.

⁶ Там же.

ческого содержания немецкого /k/ оказывается достаточно пяти оппозиций: /k — ch k — ʝ k — g k — t k — p/. Таким образом, хотя за азбучную истину учения о фонеме принято считать, что фонему определяет ее место в системе, что она член всех оппозиций, возможных для нее, и существует только как член этих оппозиций⁷, в данном случае используется только пять из множества оппозиций, возможных для данной фонемы. Если функция фонемы заключается в том, что она противопоставляется в с е м другим фонемам данной системы, то, выводя фонологическое содержание фонемы только из части ее оппозиций, учитывают только часть ее функции. При этом процедура выведения фонологического содержания фонемы из отдельных оппозиций предполагает как бы, что в речи фонема противопоставляется не сразу всем другим фонемам, возможным в данном положении, но отдельным фонемам по отдельности, что, конечно, на самом деле не может иметь места. Фонема, таким образом, оказывается как бы рядом последовательных выборов из двух возможностей (/k/, а не /ch/; /k/ а не /ʝ/ и т. д.), хотя на самом деле она, очевидно, одновременный выбор из стольких возможностей, сколько возможно фонем в данном положении. Другими словами, противопоставлению двух фонем, выделенному в результате разложения функции фонемы на ее составные элементы, приписывается самостоятельное существование, а член такого противопоставления, т. е. результат разложения фонемы на ее функциональные составные элементы, принимается за всю фонему.

Какие же оппозиции, однако, выбираются Трубецким для выведения фонологического содержания фонемы? По словам Трубецкого, одномерные оппозиции «для определения фонологического содержания фонемы наиболее существенны»⁸, и действительно при выведении РП речь почти всегда идет именно об одномерных оппозициях. Однако из оппозиций, используемых Трубецким при выведении фонологического содержания немецкого /k/, только три первых одномерны (/k—ch k—g k—ʝ/), тогда как две последних (/k — p k — t/), хотя и пропорциональны, но не одномерны. Значит ли это, что вообще при выведении РП надо сначала использовать одномерные оппозиции, а потом неодномерные, но пропорциональные? Но какие, в каком порядке, в каком количестве и почему? И как быть с фонемами, которые не входят ни в одномерные, ни в пропорциональные оппозиции? В частности, из каких оппозиций надо выводить фонологическое содержание немецкой фонемы /h/? Никакого ответа на эти вопросы нельзя найти у Трубецкого. Но, в сущности, ответ очевиден: просто подбираются те оппозиции, которые позволяют констатировать общие признаки, проявляющиеся в реализациях данной фонемы и известные из фонетических описаний ее реализаций. В частности, фонологическое содержание фонемы, не входящей ни в одномерные, ни в пропорциональные

⁷ Ср., например, слова Н. С. Трубецкого: «Зависимость фонологического содержания фонемы от ее места в фонологической системе, а следовательно, от структуры этой системы является основополагающим фактом фонологии» (указ. соч., стр. 80). Или слова Л. В. Щербы: «все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп» (Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, М., 1957, стр. 20). Или Э. Сенира (он, в сущности, наиболее полно определяет фонологическое содержание фонемы, хотя его определение несвободно от психологизма, и слова «фонема» он вообще не употребляет): «„Место“ интуитивно находится для звука (который понимается здесь как подлинная „точка в структуре“, а не просто обусловленный вариант) в такой системе в силу общего чувства его фонетического взаимоотношения, являющегося результатом всех специфических фонетических взаимоотношений (таких, как параллелизм, контраст, сочетание, невхождение в сочетание и т. п.) со всеми другими звуками» (E. S a p i r, Sound patterns in language, в кн. «Readings in linguistics», ed by M. Joos, New York, 1958, стр. 24).

⁸ Н. С. Т р у б е ц к о й, указ. соч., стр. 76.

оппозиции, можно вывести из любой ее оппозиции, описав общую фонетическую природу реализаций данной фонемы. Другими словами, выведение фонологического содержания фонемы из оппозиций это вообще такая же иллюзия, как принято в школьной грамматике определение грамматических категорий посредством вопросов. В действительности не из того, какого вопроса требует данное слово, выясняется грамматическая природа этого слова, но, наоборот, данный вопрос задается потому, что грамматическая природа слова уже заранее известна. Что касается немецкого /k/, то, конечно, заранее было известно из фонетических описаний, что это — смычный, дорсальный (или заднеязычный), напряженный (или глухой) и ненализованный.

Здесь, однако, в защиту выведения РП из оппозиций можно было бы сказать следующее: во всегда РП, выведенные из оппозиций, соответствуют признакам, известным из фонетических описаний, и если бы, например, в немецком языке не было фонем /ch/ или /g/, то оказалось бы, что для /k/ смычность или напряженность не представляют собой РП, т. е. нерелевантны. Но что значит нерелевантность признака? Просто из невхождения данной фонемы в одномерную оппозицию по данному признаку выводится ее, так сказать, отрицательное фонологическое содержание. Но ведь невхождение фонемы в одномерные оппозиции так же не определяет ее место в о в с е й с и с т е м е ф о н е м, как и ее вхождение в такие оппозиции. В частности, /k/ гипотетического языка, где нет /ch/ или /g/, входит все же в оппозиции «смычный — щелевой» или «напряженный — ненапряженный», если в этом языке есть другие щелевые или ненапряженные. Ведь абсурдно было бы считать, что только одномерные оппозиции — это оппозиции, т. е. что другие оппозиции данной фонемы остальным фонемам системы не представляют собой оппозиций данной системы фонем.

Но смысл невключения фонетического признака в пучок РП, образующий фонему, на том основании, что данная фонема не вступает в одномерную оппозицию по этому признаку, заключается, конечно, в том, что тем самым получают как бы две плоскости — «фонетическая» и «фонологическая» (а фонема и ее реализации действительно лежат в двух разных плоскостях, и это, конечно, не мог не сознавать Трубецкой). Так, в разбираемом гипотетическом случае /k/ оказалось бы «фонетически» смычным или напряженным, но «фонологическим» несмычным или ненапряженным. Однако вторая плоскость в данном случае — это совсем не та функциональная плоскость, о которой говорилось выше, а некая иллюзорная плоскость, которая получилась в результате того, что функциональной плоскости приписана физическая реальность, и эта иллюзорная плоскость описывается в физических терминах, но употребленных не в собственном, а в некоем условном и, в сущности, абсурдном значении: «несмычный» в смысле «смычный», не входящий в одномерную оппозицию с щелевым», т. е. «несмычный» в смысле «смычный». Впрочем, фонема как пучок РП вообще нечто абсурдное в самой своей сущности: будучи физическими свойствами, РП не могут не мыслиться как нечто, независимое от оппозиций, в которые вступает фонема; но будучи фонологическим содержанием фонемы, они не могут не мыслиться как нечто, существующее только в этих оппозициях.

Вахек утверждает, что идея пучка РП принадлежит не Трубецкому, а Якобсону, который высказал ее еще в 1932 г. в статье в чешской энциклопедии⁹. Определяя фонему как «совокупность фонологически су-

⁹ J. V a s h e k, указ. соч., стр. 46. В этой статье Якобсона дается такое определение фонемы: «Фонема ... этим термином мы обозначаем набор тех одновременно дей-

щественных признаков, свойственных данному звуковому образованию», Трубецкой ссылается на эту статью Jakobsona¹⁰. По-видимому, в книге Трубецкого, где все детали продуманы с гениальной четкостью и последовательностью, исходные определения — вообще слабое место. Идея пучка есть также в книге Блумфильда «Язык», вышедшей впервые в 1933 г.¹¹ Так или иначе, Jakobsonу несомненно принадлежит честь блестящего доведения теории пучка до логического конца.

Остроумное новшество в трактовке РП, введенное Jakobsonом, заключается в том, что иллюзорная процедура выведения их из оппозиций больше не применяется, а они просто подбираются так, чтобы фонемы оказались пучками максимально простой структуры. Выведение РП из оппозиций было как бы выведением их из объективной реальности, так как невозможно сомневаться в том, что фонемы и оппозиции между ними — объективная реальность. В методике Jakobsonа иллюзия выведения РП из объективной реальности достигается только тем, что сами признаки, которые принимаются за РП, — не только объективная, но и физическая реальность. Однако из того, что эти признаки — физическая реальность, отнюдь не следует, что их группировки в пучки — физическая реальность. Напротив, их группировки в пучки явно — даже не объективная реальность, а просто удобный способ описания различий между фонемами. Бесспорно, например, что кенгуру — существо сумчатое и хвостатое, тогда как у письмоносца тоже есть сумка, но у него нет хвоста. Отсюда, однако, не следует, что различие между кенгуру, письмоносцем и всеми другими живыми существами заключается в том, что первое — пучок из сумчатости и хвостатости, а второе — из сумчатости и бесхвостости, тогда как обычно люди — пучки из несумчатости и бесхвостости. Пример этот может показаться иррелевантным: ведь между кенгуру и письмоносцем нет фонологической оппозиции. Верно, но в том-то и дело, что по методике Jakobsonа РП тоже не выводятся из оппозиций, а просто подбираются так, чтобы получить максимально простое описание различия между фонемами.

Акустические характеристики, цифры, спектрограммы и т. п. в работах, в которых разрабатывается новая методика определения РП, создают видимость сотрудничества лингвистов с физиками, сочетания строгости точной науки с лингвистическими знаниями. Но на самом деле обращение к физической реальности оказывается как бы дымовой завесой, за которой незаметным становится, что сущность новой методики — вовсе не обращение к физической реальности, а в приемах сведения РП к возможно меньшему количеству, а их пучков — к наиболее простой структуре.

Основной и наиболее остроумный прием заключается в том, что признаки, обнаруживаемые в физической реальности звуковых языков, сводятся к очень ограниченному количеству пар РП, в каждой из которых один РП принимается за положительный, а другой — за отрицательный (гласный — негласный и т. д.). Это позволяет описать фонологическое содержание фонем в виде матриц, где в соответствующих графах ставятся плюс, минус, сочетание плюса с минусом и т. д. Условность принятия того

ствующих звуковых свойств, которые используются в данном языке для различения слов разного значения».

¹⁰ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 45.

¹¹ «Среди общих акустических признаков любого высказывания некоторые из них выступают как дистинктивные, повторяясь в узнаваемой и относительно постоянной форме в отдельных высказываниях. Эти дистинктивные признаки встречаются в виде скоплений или пучков, каждый из которых мы называем фонемой» (Л. Блумфильд, Язык, М., 1968, стр. 78). Правда, в той же книге Л. Блумфильд определяет фонему и как «минимальную единицу различительного фонетического признака» (стр. 77).

или иного члена пары за плюсовый или минусовый особенно очевидна, когда явная недихотомичность распределения РП в фонемах устраняется путем расщепления пары РП на две дихотомические пары (например, пара «компактный — диффузный» расщепляется на «компактный — некомпактный» и «диффузный — недиффузный»). Неоднократно указывалось, что в физической реальности звукового языка нельзя обнаружить дихотомичности акустико-артикуляторных признаков, ни как универсального принципа, ни даже как частных случаев¹². Что такой дихотомичности нельзя там обнаружить, можно было полагать, конечно, и а priori: если бы РП действительно были элементами, из которых состоят фонемы, т. е. если бы они были функциональной реальностью, то они не были бы доступны непосредственному наблюдению как физическая реальность; и наоборот, раз они доступны непосредственному наблюдению как физическая реальность, они и есть физическая, а вовсе не функциональная реальность, хотя и выдаются за таковую.

Положительный и отрицательный члены дихотомической пары — это совсем не то же самое, что маркированный и немаркированный члены оппозиции у Трубецкого¹³. У него — это только члены одномерной, нейтрализуемой и логически привативной оппозиции, т. е. такой оппозиции, в которой, благодаря ее нейтрализации в известных случаях, то, что различает члены оппозиции, рельефно выступает на фоне того, что общее для них¹⁴. Другими словами, у Трубецкого маркированность и немаркированность — это нечто вполне реальное (но, конечно, только функционально реальное, а не физически¹⁵), а вовсе не нечто, произвольно приписываемое членам оппозиции для удобства описания. Немаркированный член в этом смысле обычно чаще встречается, чем маркированный, поскольку, в частности, он оказывается в положении нейтрализации. Заключать отсюда, что член оппозиции, который чаще встречается, и есть немаркированный член, — логическая ошибка. Из того, что человек смертен, не следует, что смертное существо — непременно человек. Более распространенным может быть, очевидно, и то, что вовсе не является немаркированным по отношению к тому, что менее распространено (если, конечно, не употреблять слова «маркированный» и «немаркированный» как наукообразные синонимы словосочетаний «менее распространенный» и «более распространенный»).

Можно допустить, что, хотя дихотомическая структура РП не объективная реальность, она полезна как формализованная модель звукового языка и в то же время модель кибернетического устройства, которое сможет подавать сигналы на искусственном звуковом языке или воспринимать их. Возможно, действительно, что искусственный звуковой язык будущего будет основан на принципе строгой дихотомичности, т. е. будет представлять собой последовательные акты выбора из двух возможностей. Очевидно, однако, что такой механизм речи или ее восприятия — это колоссальное упрощение по сравнению с механизмом естественной человеческой речи: невозможно поверить в существование американца, который, как рассказывают Якобсон и Халле, на вечере в Нью-Йорке, когда хозяин представляет ему кого-то, вместо того, чтобы поздороваться с че-

¹² См., например: Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем, ВЯ, 1966, 1, стр. 10—14.

¹³ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 90.

¹⁴ Ср.: M. I. Steblin-Kamenskij, Neutralization, the word and the thing, «Philologica pragensia», XI, 1968, 1, стр. 29—32.

¹⁵ Поэтому естественно, что такая маркированность — немаркированность экспериментальными методами не обнаруживается (см.: Л. В. Бондарко, Некоторые замечания по поводу маркированности — немаркированности членов фонетических противопоставлений, «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 394—400).

ловеком, которого ему представляют, и назвать себя, совершает, подобно кибернетической машине, длинный ряд последовательных актов двоичного выбора: /dítə/, а не /bítə/; /dítə/, а не /dátə/; /dítə/, а не /dígə/; /dítə/, а не /dítí/ и т. п.¹⁶ Модель, сильно упрощающая действительность, несомненно, бывает нужна и полезна. Так, чучело отпугивает птиц не хуже человека. Но дает ли оно что-нибудь для понимания человека?

Поскольку двенадцать пар РП принимаются за достаточные для описания фонем всех языков мира, число возможных фонем, т. е. пучков РП, тоже оказывается ограниченным (много меньшим, чем число языков, существующих в мире), и таким образом неизбежным становится признание тех или иных фонем в разных языках за тождественные. Однако если считать, что фонему определяет ее место в с и с т е м е фонем, и если учесть, что с и с т е м ы фонем в разных языках всегда различны, то принятие двенадцати пар РП за достаточные для описания всех языков мира есть либо отказ от признания того, то фонему определяет ее место в системе, либо отказ от точного определения места фонемы в системе, а тем самым и от точного определения различия между фонемами.

Принятие двенадцати пар РП за достаточные для описания всех языков мира есть вместе с тем признание того, что сами РП в разных языках одинаковы. Однако, если РП — это действительно физические признаки, как нас стараются уверить спектрограммами и т. п., то, очевидно, что они не могут быть одинаковыми в разных языках. Очевидно, например, что в разных языках прерванность и непрерывность могут быть разного характера, а звонкость и глухость — в разной степени слиты со слабостью и силой или непридыхательностью и придыхательностью. Игнорирование этих особенностей в отдельных языках — это отказ от определения своеобразия в фонемных оппозициях данного языка, т. е. в данной фонологической системе, и в то же время признание того, что РП — это, в сущности, не физическая реальность, а нечто совершенно условное.

С одной стороны, утверждается, что РП — это физическая реальность и приводятся цифры, спектрограммы и т. п., долженствующие, по-видимому, подавить тех, кто, как большинство лингвистов, не сильны в математике и физике. Но с другой стороны, приемы сведения РП к возможно меньшему числу явно подразумевают, что принятие признаков за одинаковые или неодинаковые и их включение или невключение в пучок, образующий фонему, определяются в конечном счете не объективной реальностью, а соображениями экономии в описании. Трубецкой исключал из пучка, образующего фонему, признак, по которому данная фонема не образует одномерной оппозиции. Логически это необоснованно, как указывалось выше. Однако отсутствие одномерной оппозиции — это все же объективная реальность. В методике Якобсона признаки объединяются в один РП или признаются за избыточные только в соответствии с удобством описания. Так, если два сходные (но явно не одинаковые) признака не встречаются одновременно в одном языке, то они принимаются за один РП. Если признак *a* встречается только в сочетании с признаками *cd*, а признак *b* — только в сочетании с признаками *de*, то признаки *a* и *b* принимаются за один РП (можно при этом постараться найти что-нибудь сходное в них). Разные признаки, объединенные в один РП, будут тогда разными «проявлениями» или «реализациями» одного РП¹⁷ (и это равносильно признанию того, что РП может «реализоваться» в чем-то, отличным от него самого, т. е. что РП есть нечто, отличное от физической реаль-

¹⁶ Р. Якобсон, М. Халле, Фонология и ее отношение к фонетике, «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 231.

¹⁷ См., например: Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, Введение в анализ речи, «Новое в лингвистике», II, стр. 204 и 207.

ности). Если признак *a* всегда сопутствует признаку *b*, то любой из них считается избыточным. Если признаки *a* и *b* всегда сопутствуют признаку *c*, а признак *b* всегда сопутствует признаку *d*, то и *a* и *b* считаются избыточными. Если признак *a* сопутствует только сочетаниям признаков *bcd*, *bce*, *bcf* и сочетание *bc* больше не встречается, то признак *a* считается избыточным. Перечень таких примеров можно было бы умножить. Но, в сущности, все они лишь более или менее очевидные следствия одного общего принципа: фонетическими или фонологическими фактами можно пренебречь, если таким путем можно добиться уменьшения числа РП.

Не случайно, что в то время как при определении состава фонем лингвисты, исходящие из совершенно разных теорий, приходят к очень сходным или даже тождественным результатам, при определении состава РП лингвисты, исходящие из той же теории пучка и применяющие описанные выше приемы, приходят к различным результатам. Дело, очевидно, в том, что фонемы — это объективная реальность, тогда как пучки РП — это только способ описания, представляющийся тому или иному исследователю наиболее удобным. Но под удобством описания можно понимать не только возможно меньшее количество обозначений, используемых в описании, но также и возможность графического изображения в виде симметричной геометрической фигуры. Отсюда — треугольники, квадраты, кубы и прочие геометрические фигуры, которые в фонологических работах выдаются за графические изображения системы фонем. Если считать, что систему фонем данного языка образуют все, возможные для фонем данного языка оппозиции, во всех, возможных для этих фонем положениях, то, конечно, такую сложную и многоплановую систему графически изобразить нельзя. Но если считать, что система фонем — это ряд дискретных элементов первого порядка (фонем), состоящих из дискретных элементов второго порядка (РП), менее многочисленных, чем элементы первого порядка, то трудно устоять против соблазна изобразить систему фонем в виде симметричной геометрической фигуры или клеток, пожертвовав при этом объективностью ради симметрии.

Одному из авторов этой статьи пришлось однажды вести в печати полемику о системе исландских гласных¹⁸. В процессе этой полемики пятью авторами (двумя американцами, норвежцем из США, исландцем и русским) было предложено семь симметричных, но совершенно различных схем — пять плоскостных и две трехмерных в виде треугольной и пятиугольной призм. Особенно изящна была пятиугольная призма, предложенная норвежцем. Однако во всех семи случаях симметрия достигалась только тем, что в подборе РП и их распределении по пучкам игнорировались те или иные фонетические или фонологические факты. Даже схема русского автора, уже тогда ратовавшего против симметрии в фонологических решениях (но тогда еще не осознававшего всей абсурдности теории пучка), оказалась в какой-то мере симметричной и поэтому содержала отступления, по меньшей мере графические, от фактов. Настолько трудно тому, кто принимает фонему за пучок РП, устоять против соблазна пренебречь, ради симметрии, фактами!

Но соблазн этот еще гораздо сильнее в диахронической фонологии.

Всякий синхронный анализ языка подразумевает отвлечение от того, что язык существует во времени и тем самым от того, что язык изменяется. Поэтому методы, разрабатываемые в синхронном анализе языка, как правило, и не рассчитаны на то, чтобы годиться для исследования истории языка, т. е. его изменений. Это особенно очевидно в методах сов-

¹⁸ Полемика эта изложена в статье: М. И. Стеблин-Каменский, О симметрии в фонологических решениях и их неединственности, ВЯ, 1964, 2, стр. 45—52.

ременной фонологии. Если пучок РП — модель, сильно упрощающая и искажающая действительную сущность фонемы, то естественно, что упрощение и искажение касается в первую очередь того, что существует во времени, т. е. изменяется. Ведь пучок РП — это инвариант, то, что существует в отвлечении от конкретных реализаций. Фонема не только всегда представлена разными реализациями в разных положениях, или разными аллофонами, но и каждый отдельный аллофон в каждой отдельной реализации в речи каждого отдельного человека не может быть абсолютно тождественным себе. Таким образом, пучок РП — это вообще отвлечение от существования языка во времени, т. е. от его изменения.

Вероятно, не случайно Трубецкой так и не разработал применения своей фонологической теории к истории звуковых изменений. Даже изменения фонологического содержания отдельной фонемы не могут быть описаны в терминах РП в его понимании. Так, согласно этому пониманию, немецкая фонема /k/, которую он рассматривает, иллюстрируя процедуру выведения фонологического содержания фонемы из оппозиций, осталась бы абсолютно тем же самым пучком из четырех РП (смычности, неназализованности, напряженности и дорсальности), если бы в немецком языке исчезли, например, фонемы /h/ или /l/ или /m/ или /pf/ и т. д. (ведь пучок, составляющий /k/, выводится только из оппозиции с /ch ʝ g t p/) или если бы радикально изменилась дистрибуция любой фонемы немецкого языка (ведь дистрибуция фонем вообще никак в пучке РП не отражается). Между тем, что же такое фонологическое содержание фонемы, если не то, каким другим фонемам и в каких позициях она противопоставляется? Тем, кто применяет теорию РП, разработанную Трубецким, в диахронии, приходится, однако, считать фонологическим содержанием фонемы нечто совсем другое. Так, например, Мартине, рассматривая превращение ряда палатальных в ряд шипящих в языке, где, кроме того, есть еще ряд апикальных или дорсальных, утверждает, что это превращение «никак не изменяет фонологическую природу апикальных или дорсальных»¹⁹, т. е. то, что с появлением шипящих для апикальных или дорсальных появились совершенно новые оппозиции, не представляется Мартине фонологическим фактом, поскольку в графической схеме, которую он принимает за фонологическую систему, все остается по-прежнему (все клетки заполнены, как и раньше).

В терминах якобсоновской теории РП нельзя описать не только изменения фонологического содержания фонемы, но и изменения в содержании отдельного РП, поскольку для удобства описания они принимаются за одинаковые во всех языках, а следовательно, и во все периоды существования отдельного языка, а в ряде случаев признаки, физически разные, но чем-то сходные, принимаются за один РП (так, губные и переднеязычные согласные объединяются в компактные, долгие, сильные и придыхательные согласные — в напряженные и т. д.). Известно, однако, что наиболее крупные и важные изменения, происходившие в истории языков (так называемые передвижения согласных или сдвиги гласных) были изменениями в содержании признаков, общих для целого ряда фонем, т. е. изменениями в содержании того, что в фонологии называется РП.

Существенное отличие применения теории пучка в диахронии от ее применения в синхронии заключается в том, что в диахронии пучки РП не выводятся из фонетических описаний (таких описаний для прошлых периодов истории языков, как правило, нет, а заключать о фонетическом

¹⁹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, Л., 1960, стр. 236. Ср.: G. V o r o n k o v a, Hvislelyder i norsk, NTS, XXIII, 1969, стр. 114—127.

прошлом языка из его современных описаний можно только в редких случаях), а конструируются из показаний письменности, т. е. в сущности, в виду скудости этих показаний, постулируются в соответствии с общими представлениями о том, какие бывают пучки РП. Именно этим объясняется, конечно, тот знаменательный факт, что среди фонологов подчас обнаруживается меньше разногласий, если речь идет о языке древнем, для которого нет фонетических описаний и фонологическая система которого может быть в сущности только постулирована, чем если речь идет о современном языке, для которого есть множество фонетических описаний, в том числе и экспериментально-фонетических. Как упоминалось выше, для современного исландского языка было предложено семь различных сведений его системы гласных к пучкам РП. Между тем истолкования древнеисландской системы гласных в терминах РП были гораздо единообразней и различались между собой в сущности только в терминологии²⁰. Всего меньше разногласий существует в отношении праскандинавских гласных (о их реализациях всего меньше известно!).

Но, пожалуй, наиболее существенная особенность применения теории пучка в диахронии заключается в том, что в диахронии структуру, приписываемую фонемам, принято истолковывать как то, что обуславливает изменения самой этой структуры. Речь идет о причинно-следственных объяснениях звуковых изменений различного рода структурными (или системными) факторами, т. е. объяснениях, которые блестяще разработал Мартине в его цитированной выше книге и которые с его легкой руки стали настолько популярны в диахронической фонологии, что почти нет работ в этой области науки, где бы их не было.

Техника этих объяснений, как она представлена в многочисленных работах по диахронической фонологии, сводится к следующему. За причину или фактор или, в более осторожной формулировке, возможную причину и т. д., принимается отсутствие равновесия системы, ее недостаточная экономность, в частности — наличие «пустой клетки», отсутствие симметрии в распределении фонем в клетках или РП в пучках, различного рода требования экономии языковых средств и т. д. и т. п. (нельзя перечислить все частные возможности такого рода, они очень разнообразны), а само звуковое изменение истолковывается как восстановление равновесия или симметрии, удовлетворение требований экономии языковых средств, урегулирование распределения фонем в их клетках или РП в их пучках и т. д. Поскольку, однако, система пучков РП конструируется тем самым исследователем, который должен обнаружить в ней восстановление равновесия в результате звукового изменения, то естественно, что эта система конструируется так, чтобы данное изменение оказалось в том или ином отношении восстановлением равновесия. Обычно это не представляет никакого труда: отсутствие фонетических описаний и скудость показаний письменности всегда оставляют широкие рамки, в пределах которых должны конструироваться пучки РП. Кроме того, по-видимому, всякое звуковое изменение — это и в самом деле всегда в тех или иных отношениях восстановление равновесия и в то же время в тех или иных отношениях его нарушение. Если бы это было не так, то во всех языках всегда было бы достигнуто абсолютное равновесие, чего, однако, не наблюдается.

Но у объяснений звукового изменения тем, что оно было восстановлением равновесия, есть более существенный недостаток. Всякое такое объяснение, в сущности, так же тавтологично, как указание на отсутствие движения как причину того, что это отсутствие должно прекратиться

²⁰ См.: М. И. Стеблин-Каменский, Система гласных в исландском и ее история, в его кн. «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков», Л., 1966, стр. 55—78.

и начнется движение в том или ином направлении. Ведь и при нарушенном равновесии система существует какое-то время, иногда в продолжении веков, и нарушение равновесия никогда не вызывает сразу же, автоматически, его восстановления. Следовательно, нарушенное равновесие — это вовсе не причина или фактор звукового изменения, а только условие возможности такого изменения. Вместе с тем, направление, в котором может произойти восстановление равновесия, никогда не бывает единственным, и, следовательно, нарушенное равновесие — это даже не условие возможности данного изменения, а вообще — условие возможности восстановления равновесия. Очевидно, что указание на такое условие — тавтология. По сравнению с классической исторической фонетикой, к которой фонологи-историки склонны относиться несколько пренебрежительно, диахроническая фонология, которая сводится к такого рода объяснениям звуковых изменений, представляет собой, в сущности, регресс. Историческая фонетика устанавливала факты, которые, правда, не были изложены в фонологических терминах, но до сих пор остаются в основном не опровергнутыми. Диахроническая фонология дает иллюзорные и тавтологические объяснения фактов, установленных классической исторической фонетикой.

Тем не менее, увлечение фонологов-историков системным фактором понятно. Во-первых, в языке, конечно, действительно есть системность, и это стало, в сущности, впервые очевидным с возникновением фонологии, т. е. учения о фонеме. Но только это несомненно гораздо более сложная системность, чем та, которую подразумевают пучки РП, клетки, кубики, матрицы и тому подобная примитивная формализация, и притом эта системность, по-видимому, всегда — только тенденция. Во-вторых, на объяснение звуковых изменений системным фактором наталкивает фонолога-историка теория пучка. Ведь если принять эту теорию, то история звуковых изменений превращается в ряд последовательных синхронных описаний того, что принимается за инварианты, т. е. пучков РП. Единственный возможный диахронический момент в такой истории — это действие системного фактора, т. е. самопорождение инвариантов. При этом можно пойти и до такого вывода, не лишённого известной логичности, как он ни абсурден: реализациями фонем, аллофонами и вообще звуковой реальностью в истории языка следует полностью пренебречь, эта реальность как бы и не существовала, а если и существовала, то ее целиком определяли конструируемые фонологом пучки РП, предпочтительно бинарных, а ее изменения были лишь автоматическим отражением тех скачков, которые претерпевали эти пучки от одного синхронного среза к другому под влиянием системного фактора²¹.

Таким образом, если рассуждения, развиваемые в настоящей статье, верны, то положение «фонема — пучок РП» опровергнуто. Но этим, конечно, не ставится под сомнение научная ценность данного положения. Ибо, как удачно сказал Йос, «научное положение — это такое положение, которое можно опровергнуть»²².

²¹ См.: Я. Б. Крупаткин, Об аллофонических реконструкциях, ВЯ, 1969, 4.

²² См.: «Readings in linguistics», ed. by M. Joos, New York, 1958, стр. 34.